

Парижская коммуна и медицинские работники.

Д-р Палкин (Одесса).

Значение Парижской коммуны „заключалось в том, что она по существу была правительством рабочего класса“ (Маркс). Парижские рабочие придают революции социальную устремленность. Карл Маркс из хмурого Лондона посылает Парижу привет. Буржуазия, некогда прогрессивная, произносившая ранее с гордостью имена Пинеля и Гольбаха,—в дни Парижской коммуны мобилизует и организует контрреволюцию.

Естественно, что мелкая буржуазия не была монолитной в своих симпатиях.

Наряду со значительной фалангой инженеров, врачей, научных работников и писателей,—отдавшей себя на служение Коммуне, можно обнаружить довольно компактную группу мелкобуржуазных интеллигентов, свзавших свою судьбу с Версалем.

Уже в первые дни Коммуны 24 марта студенты медицинской школы принимают резолюцию, выражающую протест против „незаконных“ действий Центрального комитета национальной гвардии. Ученые медики покинули свои кафедры, чтобы в союзе с титулованным чиновничеством душили революцию рабочего Парижа.

Эли Реклю (брат знаменитого географа) ярко характеризует эту группу в своем дневнике:

„...А студенты Латинского квартала? Эти зеленые профессора, эти будущие адвокаты и судьи, профессора медицины и патентованные доктора являются и не могут не являться, кроме очень немногочисленных исключений, будущими буржуа, оттого то, мы видим, они отказались от единения с Коммуной... Как только пушечные ядра начнут падать на мостовую, лев Латинского квартала не встряхнет своей светлой гривой, не издаст своего грозного рева, но скроется в свежем гроте у источника, возле фонтана пива, куда прибегают самки оленя утолять свою жажду“.

„Пивная студенческая гвардия“ аккумулирует всю свою ненависть против Коммуны.

17-го апреля Комиссия народного просвещения созывает собрания врачей, студентов, медиков и „свободной профессуры“. Собрания должны были составить проект реформы медицинской школы.

Но буржуазное студенчество ответило на призыв Коммуны саботажем; 6.000 студентов посвящают себя в рыцари реакции. Среди них буржуазная часть медиков играла роль организующего центра.

В книге Добана „Le fond de la société sous la Commune“ приводится интересное сообщение полицейского агента. Представьте себе пло-

падь Шателэ и будущего Гиппократа... реакционная профессура медицинской школы покинула Париж, их младший коллега бесподобен в роли рупора реакции. Вот его речь: „Не утверждайте, что Париж сейчас весь против Версаля. Неверно. Многие охотно бы сражались против Коммуны, если бы могли пробраться во вражеский лагерь. Я объявляю, что после сходки в Медицинской школе, подавляющее большинство студентов высказалось против Коммуны“ отмечает Д о б а н.

Словом, повторялась „старая песня“ в иной гармонизации. Буржуа в свой „золотой век“, выступая против феодальных привилегий, охотно опирался на парижского ремесленника. Когда же парижский рабочий становится активной силой, когда пролетариат выдвигает идеи социального раскрепощения, „когда классовое господство уже не может больше прикрываться национальным мундиром“ (К. М а р к с)—„революционность“ буржуа испаряется.

Пока отцы из Версаля посылают проклятия Коммуне, подкрепляя свою политику убедительной аргументацией мятральез,—сыновья на площади Шателэ и в медицинской школе развивают четкую программу: „и если бы, в крайнем случае, мы согласились на коммуну, то лишь при условии, чтобы она состояла из новых элементов. Ваших избранников мы признавать не будем“. Национальный гвардеец, внимательно слушавший студента, дал резкую отповедь: „тав вот, где собака зарыта, мой будущий Гиппократа... Много рабочих в коммуне? Господа желали бы увидеть коллекцию юристов, врачей“... Диспут мог закончиться неприятными последствиями для „будущего Гиппократа“. Спас положение уличный мальчишка,—его шутка была прекрасным громоотводом: „Курьерский поезд на Версаль!“—закричал малыш,—„стоит у медицинской школы. Живей, живей, господа пассажиры, в дорогу!“

На площади Шателэ столкнулись два класса. Этот эпизод ярко иллюстрирует социальные сдвиги в эпоху Парижской Коммуны. Одновременно, небольшая сценка красноречиво говорит об ошибках Коммуны, о неумении решительно покончить с версальской агентурой.

Происходила неизбежная классовая дифференциация. Врачи и студенты, связанные с буржуазией, ориентировались на Версаль. Мелкобуржуазный сектор латинского квартала разделял, хотя и половинчато, принципы Коммуны.

Студент-медик Мартин Д и д ь е пишет; „Вечернее эхо“ сообщает, что студенты-медики враждебно относятся к Коммуне и не отвечают на ее призывы... Подлинные студенты находятся на передовых позициях и потому не имели возможности принять участие в дебатах медицинской школы“.

Латинский квартал, снабжавший некогда революцию пропагандистами,—ныне взял на себя подготовку реакционеров. Факты найдут себе объяснение, если вспомнить историю великой французской революции. На авансцену тогда выступала буржуазия и в качестве тарана она выдвигала студенчество. В революцию 1871 г. были заинтересованы прежде всего рабочие и ремесленники.

Необходима была решительная борьба с реакцией. Комиссия народного просвещения, учитывая это, назначает деканом медицинского факультета выдающегося врача и политического деятеля профессора Альфреда Н а к э. Цеховая корпорация медицинской школы встретила красного декана с еле скрытой злобой. В лице Н а к э „медицинский цех“ увидел борца за

реформу школы. Альфред Наке давно связал свою судьбу с революцией. Еще в 1869 году он был приговорен к лишению прав. Правительство не могло простить ему блестящей критики основ буржуазного общества. Неумолима была логика его книги: „Религия, собственность, семья“. С полным правом мы можем назвать Альфреда Наке первым политкомиссаром медицинской школы. Он—предшественник советских врачей-политкомиссаров.

Революционная проповедь нашла сочувствующую аудиторию среди санитаров и сестер. В свете классового объяснения фактов это понятно; средний персонал—выходцы из прослойки мелкой буржуазии, тяготеющей к пролетариату. Группа „красных санитарок“ („ambulanciers volontaires de la commune“) в своей декларации заявила: „что вся их жизнь принадлежит революции, их долг перевязывать раны, а в случае необходимости, братья за ружье“... Декларация заканчивается лозунгом: „Да здравствует Коммуна“! Да здравствует Всемирная республика“.

В дни напряженных боев создается добровольная организация—своеобразный пролетарский Красный Крест,—„Союз женщин для защиты Парижа и помощи раненым“. Центральный Комитет Союза—в своем манифесте ¹⁾ от 6-го мая с исключительным энтузиазмом утверждал, что—„Париж не отступит, ибо он несет знамя будущего. Решительный час пробил. Место рабочим. Долой их палачей! Больше действия, энергии! Дерево свободы растет, орошаемое кровью своих врагов!“

Коммуна ломала привычные каноны. Волею рабочего правительства—фельдшер, ученик Прудона, Паже-Люписьен выдвигается на пост директора госпиталя.

Среди врачей членов Коммуны можно было найти представителей различных политических партий. В исполнительных органах Коммуны работали врачи—Гупиль (гамбетист), Растуль (прудонист), Вальян, Паризель и Пильо (примыкавшие к революционному большинству).

Условия журнальной статьи лишают нас возможности осветить деятельность всех врачей-коммунаров. Внимание привлекают наиболее характерные представители—Вальян ²⁾ и Гупиль. Коммуна поручает Гупилю управление делами ведомства просвещения. Д-р Гупиль оказался кратковременным „попугачиком“ революции. „Друг“ партии порядка был классово детерминирован; в дни грозных социальных сдвигов, в период острой вооруженной борьбы с Версалем, Гупиль подает в отставку. Коммуна выдвигает опять врача. Выбор был удачен. Эдуард Вальян, бланкист, умел действовать. Он начал медицинское образование в Париже и закончил в Германии. Маркс и Гегель осеняли его молодости. По свидетельству Энгельса ³⁾—„Бланкисты были тогда социалистами, большею частью, лишь по революционному пролетарскому инстинкту, только немногие из них поднялись до более ясного понимания

¹⁾ Среди подписавших манифест—русская—Дмитриева.

²⁾ Эдуард Вальян (1840—1915). По образованию врач и инженер. Автор ряда работ по социально-экономическим вопросам—„Фабричное законодательство и гигиена“, „Кризис и безработица“, „Социальное страхование“. Манифест—„Лучше восстание, чем война“. До 1914 г. был в левом крыле 2-го интернационала. С начала войны примкнул к оборонцам.

³⁾ Из речи Энгельса в Лондоне 18 марта 1891—в день двадцатой годовщины Парижской Коммуны.

принципов, благодаря Вальяну, знакомому с немецким научным социализмом*.

26 марта избиратели делегируют Вальяна в Коммуну. Он критикует нерешительность Коммуны и с горечью называет ее „un petit parlement bavard“. Революционности этого врача-гражданина может позавидовать „прекраснодушный“ интеллигент современной Франции — врач-писатель — Жорж Дюамель.

В „Journal officiel“ Вальян помещает свою программную статью о „дареубийстве“. Под холодком строгих формулировок искрится революционная мысль. Врач-революционер утверждал, что „в природе всякий элемент, нарушающий равновесие и естественный ход вещей, безжалостно устраняется... Всякий объект раздоров, всякая помеха к осуществлению идеалов справедливости, к которым стремится революция, должна быть уничтожена. Через голову „академической среды“ Вальян обращается к радикальным ученым. Воззвание к профессуре, врачам и студентам — медикам, отмечено также его авторством. „Необходимо“, писал Вальян в одном из циркуляров, чтобы революция завершила свой социалистический характер реформой в области просвещения“.

Врачи — члены коммуны, когда погребовала революция, сумели переключить себя в чуждые им области знания и деятельности. Доктор Паризель — член Комиссии продовольствия, Вальян ведает просвещением, а врач Рагуль, с первых же дней Коммуны, работает в комиссии общественных служб.

Декреты Коммуны почти не коснулись здравоохранения. Среди официальных материалов мы обнаружили только инструкцию о военном санитарном аппарате, подписанную главным врачом армии — Куртилье¹⁾.

Учитывая социальную устремленность Коммуны, можно предполагать, что реформы в области народного здравоохранения последовали-бы, но... Версаль оборвал деятельность революционного Парижа, падают последние форты, — уже идет борьба на баррикадах и человечество призвано в свидетели великого энтузиазма, в свидетели конца трагической „майской недели“. „Карлик-чудовище“ — Тьер вступает в город Коммуны, а последние инсургенты гибнут на кладбище „Père Lachaise“.

Они умирали с верою, что жизнь была отдана могучему делу уничтожения „старого правительства и клерикального мира, милитаризма, чиновничества, эксплуатации, ажиотажа, монополии, привилегий, которым пролетариат обязан своим рабством, а отечество — своими бедствиями и своим крушением²⁾...“

В эти дни, насыщенные грозвьем революции, версальцы убивают врачей Лано и Де-Франко, возглавлявших госпиталь в семинарии Сен-Сюльпас. В семинарии Сен-Сюльпас одновременно с врачами версальцы расстреляли 80 раненых федератов.

„Париж рабочих со своей коммуной будет чествуем, как славный предвестник нового общества. Его мученики воздвигли себе памятник в великом сердце рабочего класса“ (Маркс).

Ответы этого памятника — маяка так близки и дороги рабочему классу и советской интеллигенции.

¹⁾ Кроме того, в докладе главного управления общественного призрения имеются упоминания о создании Бюро для оказания медицинской бесплатной помощи.

²⁾ Из декларации Парижской Коммуны.

Советские научные работники сохраняют историческую преемственность от революционной интеллигенции Красного Парижа.

Советская интеллигенция, вместе с рабочими и колхозными массами, под руководством ленинской партии и ее вожди, тов. Сталина, участвует в строительстве бесклассового общества.

И в эти дни деградации капитализма и расцвета хозяйства и культуры в Советском Союзе—социалистическом отечестве всех угнетенных и эксплуатируемых, как боевой призыв к действию звучат имена—врача и инженера Эдуарда Вальяна, национального гвардейца Коммуны—теографа Элизе Реклю, художника Курбе и многих, многих других.

Кризис медицины и здравоохранения в Германии.

(Окончание).

Проф. С. М. Шварц (Казань).

Остановимся вкратце на постановке дела подготовки врачей на медфаках Германии. Студент медик проводит в высшей школе не меньше 5½ лет, обыкновенно дольше. Первые 5 семестров посвящаются обще-биологической подготовке, последующие 6 семестров—клинической. По истечении 11 семестров, если студентом выполнены все работы по клиникам и прослушаны все требуемые обязательные курсы,—он допускается к сдаче государственных экзаменов. В случае, если студент не сдал какого либо экзамена, он имеет право сдавать его только еще один раз, по прошествии 2—6 месяцев после провала. Если студент провалился 2 раза, он врачебного диплома не получает. Так как многие экзаменаторы бывают очень строги и формальны, то вполне понятно, почему эти экзамены получили у студентов название „Rigorosum“, т. е. строгое испытание. Кстати отмечу, что студенты не только обязаны вносить сравнительно большую сумму в виде платы за учение, но должны еще платить за экзамены. За полудокторский экзамен студент медик платит 90 марок, за государственные—252 марки. Шесть лет обучения на медфаке (по данным, опубликованным в D. M. W. N. 12, 1932 г.) стоят студенту около 10.000 марок (сюда включены расходы на питание, квартиру, плата за обучение, книги). Для того, чтобы получить аппробацию, окончивший врач должен еще год работать в качестве практиканта в больнице или клинике. Тогда он получает звание врача; а для того, чтобы именоваться врачом специалистом (Facharzt), он должен иметь 4-х летний стаж по данной специальности в клинике или больнице.

Несколько слов о постановке преподавания. Оно за послевоенный период несколько не изменилось. По-прежнему лекции занимают очень большое место в системе преподавания, студентам приходится нередко слушать лекции по 6—7 часов подряд, попадают талантливые лектора, но бывают и очень плохие. Учебный план тоже мало изменился.

Считаю необходимым указать на то, что до сих пор социальная гигиена не включена в число обязательных курсов. Впервые ординарным профессором по этой дисциплине был утвержден в 1920 г. проф. Гротьян. В Германии, кроме него, ординарных профессоров по социальной гигиене не было. Курс социальной гигиены, хотя объявляется и в других у-тах, но он либо совсем не посещается,